
Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

ДЕМОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

В статье рассматриваются различные варианты соотношения между революционными событиями и возможностями установления в обществе демократии на широком фоне исторических примеров и последних событий в Египте. Авторы показывают, что необходимо учитывать степень социально-политической и культурной готовности страны к демократическим институтам. В случае высокой готовности революции могут быть мягкими («бархатными»), а результаты – эффективными. Напротив, в стране, где высока доля неграмотных и сельского населения, низок статус женщин, широко распространена фундаментальная религиозная идеология, где о демократии знают только понаслышке и либеральная интеллигенция идеализирует этот строй, где противоборствующие стороны не готовы уважать правила демократической игры при поражении на выборах (а все эти черты мы наблюдаем в современном Египте), демократия устанавливается очень тяжело, с откатами, возвратом к авторитаризму, вспышками насилия, сменяется военными переворотами и т. п. Таким образом, неправильно считать, что революция в современных условиях обязательно должна вести к установлению демократии. Напротив, она может отбросить общество с магистрального пути развития. Революция – это очень болезненный и опасный способ реформирования общества, особенно общества переходного.

В странах, подобных Египту, где революции предшествуют десятилетия экономического и культурного роста, формируется крупный слой интеллигенции и студенчества, возникают завышенные ожидания, которые выплескиваются в демократические лозунги. Именно под такими лозунгами начинается революция, однако далее она продолжается уже по собственным законам, которые нередко оказываются антагонистическими по отношению к демократии.

Ключевые слова: Ближний Восток, Египет, демократия, революция, реакция, экстремисты, контрреволюция, исламисты, тоталитаризм, завышенные ожидания, военный переворот.

Египет ликует, ликуют революционеры, на чьих знаменах написано: «За демократию!» Ликуют потому, что путем военного переворота свергнут законно, всенародно и демократически избран-

ный президент. Что это? Абсурд, парадокс, особенность Египта? Нет, это достаточно обычное, вполне закономерное развитие революционных событий. Вот почему один из главных вопросов статьи – всегда ли неразрывны революция и демократия?

«Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо, это закон», – писал знаменитый российский философ Николай Бердяев (1990: 29), выстрадавший эту глубокую идею собственным политическим опытом. Разумеется, Бердяев был ограничен тем историческим опытом, который имелся на начало XX в. Прошлое и нынешнее столетие продемонстрировали, что устойчивость демократических завоеваний революции в огромной степени зависит от того, на какой фазе модернизационного перехода находится общество, от его культурных традиций, внешнего окружения и ряда других обстоятельств. Поэтому в странах, где социокультурный и экономический уровень высок и уже прошел длительный период очарований и разочарований в демократии, циклы демократий и авторитаризма, в конце концов достаточно систематически происходят революции (либо революционной глубины реформы), после которых устанавливается вполне стабильный демократический режим. В качестве примера можно вспомнить «революцию гвоздик» 1974 г. в Португалии или «бархатную революцию» 1989 г. в Чехословакии. При этом такого рода успешные революции – «славные», «бархатные», как правило, не кровавые – проходят довольно быстро¹. История подобных политических переворотов начинается со Славной революции 1688 г. в Англии, но особенно ими богаты последние десятилетия человеческой истории. Если же общество недостаточно модернизировалось (в том числе и в демографическом плане²), в нем много неграмотных, велик процент негородского населения, сильно влияние традиционалистов и т. д., то «закон Бердяева» о смене революции реакцией имеет высокие шансы реализоваться. Через какое-то время идея демократии может вновь внести свой вклад в генерирование нового революционного взрыва. При этом в истории бывали случаи, когда демократия и авторитаризм сменя-

¹ В известной мере даже революция 1870–1871 гг. во Франции подходит под этот стандарт, если не считать эпизода с Парижской Коммуной.

² Структурно-демографические факторы, систематически генерирующие социальные взрывы в процессе модернизации, подробно рассматривались в наших предыдущих публикациях (см., например: Гринин 2012; Коротаев, Зинькина 2011; Коротаев и др. 2012; Grinin 2012; Grinin, Korotayev 2012; Korotayev *et al.* 2011); поэтому здесь мы на них подробно останавливаться не будем.

ли друг друга неоднократно. Кроме того, надо иметь в виду, что в подобных обществах перед революцией стоят очень масштабные задачи, соответственно, глубина ее может быть большой, отсюда и высокая сила сопротивления. Недаром сам Бердяев, продолжая свою мысль, писал: «И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее были реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг» (Бердяев 1990: 29). Очень характерным был пример Китая, который вскоре после первой в его истории демократической Синьхайской революции 1911 г. попал под диктатуру Юань Шикая. Неоднократно демократические институты пытались восстановить, но в итоге Китай погрузился в пучину анархии и гражданской войны на долгие десятилетия.

Путь к устойчивой, стабильной демократии долгий и сложный. В любом случае для этого нужны соответствующие экономический, социальный и культурно-гуманитарный уровни общества. Повторим, что в странах, где много неграмотных, где большой процент сельского населения, где низок уровень жизни, либеральная демократия, как правило (из которого, впрочем, известны некоторые важные исключения), не приживается надолго. Модернизация стран (по крайней мере, сколько-нибудь крупных) всегда идет неравномерно. В результате в модернизирующихся странах формируется достаточно модернизированный «центр» и слабо модернизированная склонная к консерватизму периферия/глубинка, где и обитает большинство населения – «народ». В рамках такого контекста оказывается, что революционеры, которые радеют за народ, систематически разочаровываются в нем, в его консерватизме, в том, что он на каком-то этапе начинает голосовать не так, как хотелось бы либералам/радикалам, что он скорее предпочитает порядок и стабильность, привычные и понятные формы непонятым политическим и идеологическим лозунгам, что он предпочитает нечто материальное «нематериальным» на первый взгляд свободам. Нужен длительный путь, собственный политический опыт целых поколений, постепенное их раскрепощение, культурно-гуманитарное развитие, чтобы свободы и демократия обрели статус таких ценностей, которые дороги большинству³. Важно также учиты-

³ То есть сначала нужно в культурно-гуманитарном плане дорасти до такого уровня, чтобы могла совершиться реальная демократическая трансформация, иметь собственную интеллигенцию, определенный уровень заимствований из мировой культуры, политические

вать, что устойчивость демократии зависит главным образом не от того, насколько демократична конституция, а от того, насколько политические институты и акторы притерлись друг к другу и готовы соблюдать правила игры. Выдающийся французский социолог Реймон Арон справедливо указывал в своем глубоком исследовании «Демократия и тоталитаризм», что «устойчивость и эффективность обеспечиваются не конституционными правилами как таковыми, а гармонией этих правил и партийной системы, природой партий, их программами, политическими концепциями» (Арон 1993: 125). Естественно, что для этого требуется весьма значительное время. Сходные мысли, связанные с высокими требованиями к обществу, его лидерам и бюрократии, высказывал и такой крупный мыслитель, как Йозеф Шумпетер (1995: 378–385). Он, в частности, считал, что для того, чтобы демократическая система успешно работала, «человеческий материал политики – люди, которые составляют партийный аппарат, избираются в парламент, возвышаются до министерских постов – должен быть достаточно высокого качества»; необходимо, чтобы бюрократия была высокого качества, обладала сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира (в эти понятия, естественно, не вписывается коррумпированность или nepотизм). Также требуется «демократический самоконтроль» (Там же).

Таким образом, народ (или его большинство) в итоге может неосознанно предать идеалы революции и саму демократию. С другой стороны, бывают ситуации, когда трезвая практичность населения оказывается мудрее высших идеалов и устремлений образованного радикально-революционного большинства. Тогда народ чутьем выбирает такого лидера, который (при всех его недостатках, пороках, эгоизме) в целом ведет страну по среднему, наиболее верному пути (отходя в важных отношениях от прежнего дореволюционного курса, но и не стремясь во что бы то ни стало выполнить лозунги революции). Пример Наполеона III в этом отношении дос-

формы и т. п. Но требуется еще более высокий гуманитарно-культурный уровень и одновременно серьезное изменение социальных условий, чтобы демократия закрепилась. Кроме того, демократия – это не просто идея, это часть образа жизни; чтобы она прижилась, ей необходимо стать реально важной частью повседневности. Но поскольку в молодых демократиях она быстро дискредитирует себя, то войти в образ жизни в качестве реально важного элемента не успевает. Получается порочный круг, разорвать который иногда удается только с нескольких попыток и при соответствующих социально-экономических условиях.

таточно характерен. Но при этом (как мы видим сейчас в некоторых странах Ближнего Востока) бывают ситуации, когда отказаться от демократических принципов вполне может и революционное меньшинство, рвавшееся к власти именно под лозунгами установления демократии. А консервативное большинство может оказаться более приверженным принципам демократии. И ничего удивительного здесь нет. Как мы уже отмечали выше, в процессе модернизации быстрее модернизируется центр, в результате чего «либеральное/революционное» меньшинство в «столицах» оказывается окруженным консервативным, а то и «контрреволюционным» большинством «глубинки». В этих условиях рост приверженности демократии у консервативного («реакционного») большинства вполне естественен. Если они представляют собой большинство, то при честном проведении выборов именно оно имеет самые большие шансы прийти к власти совершенно демократическим путем. А вот среди революционного («прогрессивного») меньшинства приверженность демократическим идеалам вполне может поколебаться – ведь для него честные выборы будут скорее всего означать именно поражение.

Даже при фальсификации в определенной мере выборов в тех обществах, где демократия оказывается урезанной за счет манипуляций «партии власти», очень большая часть общества, а нередко и его большинство настроено лояльно к власти (даже если в чем-то и недовольна) и соответственно консервативно. Даже при честных выборах правители могут победить, но, конечно, не с тем преимуществом, как при сфальсифицированных (80–90 %). Иными словами, теоретически иной раз они могли бы обойтись и без фальсификаций, но тут уже начинает работать в собственном режиме система «контролируемой демократии», которая вынуждает руководителей на местах показывать свою лояльность и при которой не очень убедительное большинство при выборах воспринимается уже как вотум недоверия диктатору.

Возвращаясь к вопросу о соотношении революции и демократии, стоит вспомнить, что гениальный политик В. И. Ленин подчеркивал: «...коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» (Ленин 1958: 145). На ранних фазах модернизации революционеры, которые слишком преданы своим первоначальным лозунгам, практически неизбежно проигрывают, потому что эти лозунги, при всей своей заманчивости, при том что

воодушевляют массы, несбыточны при наличных условиях. Поэтому логика революции либо заставляет стоящих у власти революционеров не считаться с демократией или даже «душить» ее, как это было, например, когда большевики разогнали Учредительное собрание и далее продолжилась эскалация насилия, либо на место тех, кто слишком предан революционным идеалам, приходят тем или иным путем (чаще недемократическим, но иногда и демократическим) другие, менее приверженные идеалам демократии, но более – радикализму, углублению социальных насильственных изменений, усилению власти и себя у власти⁴. История Великой французской революции 1789–1794 гг. и далее вплоть до Наполеона является классическим примером.

Питирим Сорокин, исследовавший историю и типологию многочисленных революций в древнем мире (а в полисах Греции и Римской республике напряженная социально-политическая борьба групп граждан между собой за власть и права была едва ли не более постоянным явлением, чем спокойные периоды), указывал, что голод и/или война обычно стоят у истоков революции (Сорокин 1992а; 1992б; 1994). Ленин также считал обострение нужды народных масс сверх обычного одним из главных признаков революционной ситуации. Более современные исследования, однако, установили несколько иное: революции обычно предшествует довольно длительный период роста уровня жизни населения. Но такой рост связан с таким же, а обычно и более высоким ростом социального расслоения и неравенства. Это обостряет социальные отношения в обществе, вызывает к жизни идею, что достигнутый частью населения уровень жизни должен стать достоянием большинства. Одновременно с этим в связи с модернизацией общества появляется более или менее многочисленный слой интеллигенции (и студентов как ее ударного отряда), которая претендует на более высокий (соответственно своему образовательному уровню) уровень жизни, но, естественно, почти всегда число выгодных мест ограничено и поделено. Особенно важно то, что возникает ситуация завышенных ожиданий, когда рост уровня жизни отстает от ожиданий значительной части населения, а рост неравенства вкупе с раз-

⁴ В результате революционные идеалы сменяются стремлением правителей к чисто материальным благам, отчего коррупция и нарушения всякого представления о законности взлетают до небес, эти властители какое-то время паразитируют на еще не угасшем революционном энтузиазме, пока их время не придет.

личными вопиющими нарушениями принятой в обществе справедливости со стороны власть имущих создает «горючий материал» для недовольства. При этом особо взрывоопасная ситуация создается, когда после периода уверенного роста вдруг случается какая-то заминка (в которой власти соответствующей страны зачастую реально и не виноваты; а кому удалось пройти модернизационный переход совсем уж без заминок? Практически никому). В этом случае ожидания масс населения (да, впрочем, и элиты) продолжают по инерции возрастать, а реальный уровень удовлетворения этих ожиданий снижается (это так называемая «кривая Дэйвиса» [Davies 1969; см. также: Гринин, Коротаев 2012]). В результате разрыв между ожиданиями и их удовлетворением достигает критического уровня, и происходит социальный взрыв. Применительно к Египту это относится не только к Мубараку, но и к Мурси – именно после первой революции ожидания жителей египетских столиц стремительно возросли, а уровень их удовлетворения не менее стремительно стал снижаться, что и породило «разность потенциалов», которая во многом и обусловила падение первого демократически избранного президента Египта. Но та же «разность потенциалов» может оказаться смертельно опасной и для новых египетских режимов.

Каким образом сказанное связано с демократией? Прежде всего, демократия может стать ключевой идеей оппозиции, тем волшебным ключом, с помощью которого, по ее мнению, можно решить социальные проблемы (естественно, предполагая, что демократия – такая система, при которой к власти обязательно придут правильные лидеры, то есть оппозиционеры). А поскольку у власти находится жесткий режим (принципиально недемократический или узурпировавший демократию), который, естественно, противится быстрому введению демократии, то его свержение становится самоцелью. Он олицетворяет все зло в обществе (которое с его падением соответственно исчезнет). За режимом не признается ничего положительного, ценного, прогрессивного (все хорошее, что было им сделано, считается совершенным само по себе или даже запятанным режимом, без которого это хорошее стало бы намного лучше).

Однако несмотря на недовольство, в той или иной мере охватывающее почти все общество, фактически идеи демократии прони-

кают только в определенную его часть, которая не представляет не только большинства, но часто и крупного меньшинства общества. Для большинства населения, ограниченного как своим культурным кругозором, так и сравнительно узкими жизненными проблемами, демократия – пустой звук (либо нечто такое, что кто-то каким-то образом установит, но в чем населению реально участвовать необязательно)⁵. Идеологизированное меньшинство может при определенных условиях увлечь равнодушное (к демократии, но не к собственным проблемам) большинство, в этом случае может сложиться революционная ситуация. Но отсюда до упрочения демократии очень далеко.

Здесь к месту порассуждать о соотношении революционного меньшинства и большинства в разных ситуациях. Революционное меньшинство сильно своей активностью, напористостью, умением организоваться для совместных акций и т. п. Поэтому оно наиболее видно на политической сцене революции, оно впереди, оно на первых порах как бы представляет все общество. Кроме того, радикалы/либералы искренне убеждены, что они и есть общество, что их лозунги обязательны для общества⁶. И если революции «верхушечны», не вводят всеобщую демократию (так часто было в XIX в., например в Латинской Америке или Испании), то основная часть населения может оказаться в основном вне политики. Революцию делает достаточно массовое, но все-таки меньшинство. Отсюда, кстати, возникает одна из важных причин неустойчивости революционных правительств, поскольку массы в целом достаточно равнодушно воспринимали и их свержение. Но если вводится (как се-

⁵ Неявка на выборы в России, даже когда массовая явка могла бы оказать решающее воздействие, – весьма характерный пример. При этом у огромной части населения (особенно у молодой) едва ли не одновременно с появлением возможности участвовать в выборах выработался стойкий идеологический нигилизм. Зачем ходить на выборы? Какой смысл? Все равно ничего не изменится. Что значит мой голос? И т. п. Причем, казалось бы, совсем не трудно сходить и проголосовать. Но, возможно, это трудно, поскольку требуется сделать выбор. С другой стороны, в таком нигилизме, вероятно, была очень большая доля правды. Другая часть российского населения ходила и ходит на выборы по привычке, «говорят, надо, значит – надо», но также не для того, чтобы сделать сознательный выбор. В любом случае не подлежит сомнению, что данный нигилизм одной части населения, как и исполнительность другой его части, оказались очень на руку партии власти и всякого рода политическим проходимцам. Данный пример объясняет, каким образом политическая пассивность или апатия может демократическим образом поддерживать определенные силы у власти. Карл Каутский называл такие народные массы, вовлеченные в выборы, «голосующим скотом».

⁶ Здесь уже действует логика: кто против – враг революции, кто не с нами, тот против нас.

годня) немедленно всеобщее и честное голосование (то есть без фальсификаций, поскольку формально всеобщее избирательное право сейчас есть почти везде), то соотношение между революционным меньшинством и призванным высказаться большинством (которое тем самым становится по факту демократическим, но без убежденности в ценности демократии) может существенно измениться. Пример Египта это хорошо показал. На фоне митингов и экзальтации кажется, что весь народ реально ждет радикальных перемен в духе западной демократической и либеральной идеологии, но на самом деле оказывается, что основная или очень большая масса народа держится за иные ценности. Однако при этом по причине того, что демократическая система правления в определенной ситуации может оказаться фактически выгодной консервативному («реакционному») большинству, эта система становится все более среди него популярной, и наоборот, все более непопулярной – среди рвавшегося к власти под демократическими лозунгами революционного («прогрессивного») меньшинства.

Вне всякого сомнения, активность, организованность, пропаганда и напористость революционеров и в выборах играют немалую роль, но все же значительно меньшую, чем в организации митингов и акций. Просто «горлодерством» победить оказывается уже сложно. Поражению революционеров в очень значительной степени могут способствовать разногласия между ними (для внешнего наблюдателя не слишком важные, для самих партий – определяющие).

В итоге такого поворота, когда демократические выборы, ради которых как будто и делалась революция, приводят к победе консервативные силы, наступает час истины. Что важнее для революционеров: идеалы демократии (ради которых надо уходить в оппозицию и упорно работать несколько лет, чтобы прийти к власти на следующих выборах) или революция, то есть постоянное ниспровержение и эскалация изменений в обществе? Вопрос решается по-разному различными политическими силами, в разных странах и в разных ситуациях. Бывают политические силы, которые оказываются неспособными переосмыслить ситуацию и отойти от своих догм. Так, меньшевики в период Гражданской войны были неспособны примкнуть ни к белым, ни к большевикам, пока не сошли на нет в качестве политической силы. Но очень часто именно

революционность (ради уже не совсем понятных принципов революции, но при этом чтобы так или иначе быть у руля) становится важнейшей. В последние десятилетия любая неудача радикалов, сваливших правительство (или заставивших его провести свободные выборы), но не сумевших победить на выборах (когда ненавистное правительство реально дает им такую возможность), объясняется фальсификацией выборов. Пример цветных революций на постсоветском пространстве, в Сербии и других местах хорошо это подтверждает. Тогда революционеры стремятся к силовому решению вопроса. Логика такова, что главное не уважение к демократии, а свержение противника во что бы то ни стало⁷. Логика эта вполне понятна и объяснима. Однако в этот момент пути революции и демократии расходятся.

Словом, в обществе, где демократические ценности еще не устоялись, получается примерно по принципу: «Мы за демократию, если наш кандидат выигрывает на выборах. А если нет, то такая демократия нам не нужна»⁸. Умение проигрывать, признавая ценность правил демократической игры, независимо от того, кто придет к власти, умение ждать новых выборов и упорно работать ради победы на них – это и есть, по сути, показатель готовности общества к демократии.

Поскольку во многих случаях революции происходят в обществах, в той или иной степени не готовых к демократии, то на незавершающих фазах модернизации **пути демократии и революции, как часто бывает, должны рано или поздно разойтись**. Если они совпадают, то на относительно ранних стадиях модернизации это скорее исключение, чем правило. Да, повторим, мы не забываем

⁷ Революция, как и любая политика, редко делается в белых перчатках – так или иначе имеют место провокации, дезинформация, обман, закулисные соглашения. Нередко провокации предполагают разжигание враждебности к правительству или оппонентам с помощью прямых или косвенных убийств (в виде стрельбы из толпы или чего-то подобного – в отношении революций 1848 г. и других это хорошо описано у С. А. Нефедова [2008] – или, что уж далеко ходить, – совсем недавних событий в Бразилии), что вызывает эскалацию насилия, создание боевых дружин и т. п. Все это ведет к тому, что действия в виде насилия и других не очень почетных средств становятся нормой. Соответственно и нарушение демократии уже не воспринимается в условиях стремления к победе над противником как нечто ужасное.

⁸ Выборы в Карачаево-Черкесии и Южной Осетии, когда противники не признавали победу другой стороны, вследствие чего сразу же возникал политический кризис, являются весьма показательным примером.

про «бархатные революции» в Чехословакии и других странах Восточной Европы, Славную революцию в Англии, «революцию гвоздик» в Португалии и т. п. И очень бы хотелось, чтобы все революции развивались по такому сценарию. Однако на не самых продвинутых стадиях модернизации это почти невозможно, потому что «бархатные» революции – это уже венец долгого социального и политического пути.

Попытки обратить ситуацию в свою пользу во время революции путем сокращения, отказа или отмены завоеванных революцией демократических процедур и органов могут быть предприняты политическими оппонентами с разной степенью активности. Иногда такой переворот происходит, хотя никогда не бывает совершенно бесследным. Но нередко, особенно в условиях значительного раскола общества, это вызывает резкое обострение противостояния. Так, кажется, случилось и в Египте. В этой связи трудно до конца понять логику новых властей, выступивших с жестким ультиматумом к «Братьям-мусульманам» с требованием прекратить их сидячие забастовки. Неужели они рассчитывали, что «Братья-мусульмане» возьмут и просто так разойдутся? Неужели не понимали, что силовой разгон этих забастовок приведет к сотням жертв (хотя об этом предупреждали все внешние наблюдатели)? Неужели они рассчитывают подавить «Братьев-мусульман» репрессиями? После того, как это не удалось Насеру? После того, как это не удалось Мубараку? Как сказал еще до событий 14 августа один из руководителей «Братьев-мусульман» Гехад ал-Хаддад о своей организации, «это организация, выстроенная за 86 лет существования под гнетом репрессивных режимов. Она привыкла существовать в таких условиях, это наша зона комфорта. Они просто толкают нас туда обратно...» (Fick 2013).

Рассмотрим подробнее, почему все-таки пути революции и демократии в странах, где последняя не устоялась, должны разойтись? Помимо уже описанных выше (неготовности общества, идеализации демократии и прочего) для этого существует ряд причин.

Во-первых, выясняется, что одной демократии для осуществления целей революции абсолютно недостаточно и одной демократией сыт не будешь. Демократия в идеале мыслится как средство, с помощью которого можно будет заменить плохое правительство хорошим, что автоматически поведет страну к процветанию. В реальности, конечно, этого не может быть. Требуется конкретное

и компетентное управление, чтобы решать конкретные дела. Но революционеры, как правило, не умеют их решать. Они либо должны оставить у власти старых функционеров и управленцев, которые так или иначе являются профессионалами, но тогда во многом все останется по-прежнему с теми же злоупотреблениями, либо заменить их, но тогда получается еще хуже, поскольку революционные преобразования обычно ведут к ухудшению экономического положения.

Во-вторых, поскольку чуда быстрого и всеобщего улучшения не произошло, а революционные акции и массовая раздача обещаний ведут к ухудшению положения в стране, то крайне необходимо найти виноватого в этом, чтобы, грубо говоря, перевести стрелки недовольства. Но до уважения ли к демократии тогда? Будут ли революционеры (или радикалы, если у власти умеренные революционеры) спокойно ждать несколько лет, чтобы победить на следующих выборах? Разумеется, нет, революционная эпоха – не то время, когда живут спокойно. Всем что-то нужно быстро, немедленно и бескомпромиссно. А радикалы, если будут ждать, потеряют свое влияние, массы рядовых революции задают неудобные вопросы и т. п. В этом случае демократически избранное или переходное (временное) правительство оказывается между молотом и наковальней (то есть между радикалами, недовольными, что ситуация ухудшается, и консерваторами, недовольными переменами и беспорядком).

В-третьих, у масс, для которых главное – решить их конкретные и сиюминутные материальные проблемы (чем кормить детей и т. п.), появляется разочарование в демократии. В целом все больше людей перестают связывать решение острых социальных проблем с абстрактной идеей демократии, а связывают их конкретно с тем, что нужно бороться с врагами революции, президента, партии, ислама, социализма или чего-то еще, с богатыми, бывшими функционерами и т. д. и т. п. Это понятнее и конкретнее. Таким образом, создаются все условия для радикализации и углубления революции. Но как мы помним, чем радикальнее революция, тем вероятнее, что она сменится реакцией⁹. В числе важных условий устойчи-

⁹ «Реакцию» принято воспринимать почти однозначно со знаком минус, только как нечто однозначно негативное (а «революция» ассоциируется, хотя и не столь однозначно, с чем-то позитивным, в том числе и потому, что предполагается, что она ведет к демократии). Однако вряд ли это всегда оправданно. Реакция нередко играет достаточно позитивную

ности либерального режима Арон указывает необходимость уже в начальном периоде развития конституционного режима ограничивать требования масс (Арон 1993: 141). Далее он пишет: «Рассмотрим ситуацию во Франции в 1848 году. Замена монархии республикой не увеличила ресурсы общества и производительность экономики. Чтобы возросли доходы народных масс, мало назвать режим республиканским или демократическим. Революционные перемены не могли не породить надежд и требований. И режим неизбежно стал жертвой разочарований». Однако совершенно понятно, что революционные массы идут на поддержку революции не ради того, чтобы умерить свои требования и ждать. Им кажется, что они и без того слишком долго ждали. Однако поскольку поспешные и неумеренные требования выполнить невозможно, в результате страна может скатиться к экономической катастрофе, а демократический режим рискует быть свергнутым.

В-четвертых, в этих условиях выясняется, что число истинных демократов очень мало по сравнению с теми, кто стремится к власти или иным благам. В модернизирующемся, относительно бедном и пропитанном сверху донизу определенными предрассудками и недостатками обществе не может быть иначе. Н. Г. Чернышевский писал о николаевской России: «Жалкое общество, общество рабов. Сверху донизу – все рабы». В неправовом, недемократическом обществе точно так же все действуют нелегитимно, так или иначе нарушают законы (пусть плохие законы, по которым зачастую трудно жить, но нарушают, при этом обвиняя в этом всех, кроме себя); все мыслят недемократически, даже те, кто борется за демократию. Лишь небольшая горстка людей способна выдерживать свои принципы, но не они делают погоду.

В-пятых, в целом у демократии как политической системы, в которой мирятся с поражением и спокойно работают в оппозиции, оказывается крайне узкой социальная база. В той или иной форме она может сохраниться, но в урезанном и искаженном виде,

роль, становясь на пути эскалации революционных эксцессов, создавая более сбалансированные и жизнеспособные формы. Иногда позитивные аспекты в процессах политической реакции даже более выражены, чем негативные. Так, термидорианскую реакцию 1794 г. можно рассматривать именно как попытку французской политической элиты сократить разгул якобинского террора, вызвавшего ожесточенную гражданскую войну во многих провинциях, и перейти к более жизнеспособной социально-политической системе. Можно увидеть позитивную составляющую и в бонапартиской реакции на французскую революцию 1848 г. И т. д.

хотя в общественном сознании такая подмена оказывается на какое-то время незаметной.

В-шестых, демократические институты в чистом виде не годятся для революции. Радикальные революционные преобразования довольно часто осуществляются через учредительные или конституционные собрания, парламенты и прочее. Но это хорошо для начала, для наиболее назревших или консенсусных изменений. Революция – это ломка, часто радикальная, крутая и жестокая. И это всегда быстрая ломка. Обычные парламентские процедуры, с длительным обсуждением, затягиванием, уважением меньшинства, общество уже не устраивают. Поэтому через собрание, парламент, совет, меджлис могут быть проведены законы или декреты, направленные на радикальные преобразования, но во главе всегда должен стоять орган диктатуры (партия, ЦК, исполком, лидер и т. п.), который опирается главным образом на революционный источник власти, а потому неподконтролен парламенту. Именно там решаются основные вопросы, которые потом выносятся на утверждение. При этом демократические или псевдодемократические утверждения судьбоносных и закладывающих основы документов или решений очень часто используются для закрепления власти в руках победившей стороны. Именно так действовал Мурси с конституцией. Теперь в Египте, вероятно, введут новую конституцию. Едва ли не первым, что сделал временный президент Египта Адли Мансур, было издание указа о принятии новой Конституционной декларации. Документ предполагает созыв Конституционной ассамблеи для подготовки нового основного закона страны и затем проведения референдума.

Неудивительно, что и диктаторы любят референдумы, которые закрепляют их власть. *Демократические институты на деле оказываются подсобными.*

Таким образом, чистая и полномасштабная демократия, которую стремится закрепить революция, на самом деле раньше или позже, но в целом довольно скоро начинает противоречить как истинным целям революции, так и иным политическим (партийным, групповым и личным) целям и условиям.

Демократически избранная власть (или даже переходное про-демократическое правительство) либо свергается, либо оказывается так или иначе, полностью или частично отделена от демократии (то есть трансформируется в псевдодемократический орган вроде Дол-

гого парламента в Англии). Повторимся: мы говорим об обществах, не прошедших полностью модернизацию, общества более культурные и продвинутое нередко могут сделать послереволюционный режим устойчиво либеральным.

Не забудем, что коренной вопрос революции – всегда вопрос о власти, поэтому демократия приемлема только до той степени, до какой она поддерживает власть наиболее сильной группы, партии, социального слоя и т. п.

Как по причинам того, что полномасштабная и всевластная демократия не подходит для революционных преобразований, так и потому, что в обществе отсутствуют необходимые институты и умение жить по законам демократии, а равно потому, что революция – это всегда борьба между крупными противоборствующими силами, причем любыми, а не только законными способами, и в эту борьбу втянуты очень крупные массы людей, как *в ходе революции, так и в послереволюционном режиме полная демократия редуцируется и трансформируется в самой разной степени и самыми разными способами* в зависимости от особенностей общества, исхода политической борьбы и других обстоятельств. Вновь повторим: в обществах, уже прошедших модернизацию, почти готовых к демократии, такая редукция может быть незначительной (вроде запрета участвовать в выборах бывшим коммунистам и т. п.). Тут стоит иметь в виду, что исторически всеобщее избирательное право, что сегодня взято за образец, узаконилось далеко не сразу, а только постепенно, чаще всего имелись жесткие избирательные цензы. Даже в США, глубиной демократии которых так восхищался Алексис де Токвиль (1830 г.), она была далеко не полной. Права голоса были лишены индейцы, афроамериканцы, женщины и значительная часть мужчин (получивших право голоса не сразу, а в ходе правления президента Джексона). Плюс выборы президента были ступенчатыми (и тогда эта ступенчатость была весьма реальной). А в Англии, колыбели демократии, в 1830 г. право голоса имело лишь несколько процентов взрослого населения. Во Франции в 1789 г. часть Генеральных штатов, провозгласившая себя сначала Национальным собранием, а потом и Учредительным собранием, приняла много знаменитых документов. Но не надо забывать, что правила выборов в Генеральные штаты были весьма далеки от сегодняшнего представления о демокра-

тии. Стоит отметить, что участие женщин в выборах в странах, подобных Египту (где процент неграмотных достаточно велик, причем как раз среди женщин), усиливает возможности консервативных политических сил, что иной раз может оказывать и стабилизирующий эффект.

Подобно тому как эмбрион проходит эволюционные стадии развития своего вида, так и недемократические общества, которые стремятся к демократии, проходят стадии эволюции демократии, связанные с ее ограничениями. *Но во многих случаях (хотя и не во всех) демократия ограничивается, поскольку по указанным выше причинам действовать в полном масштабе она не может.*

В ходе революции ограничения бывают связаны с попытками закрепить политические преимущества, а также революционным или контрреволюционным насилием (оба случая мы наблюдаем в Египте), действием какого-то мощного идеологического или иного центра (Иран), органа диктатуры, введения имущественных или политических цензов, уничтожением или арестами лидеров оппозиционных сил (как сейчас это произошло в Египте), ограничением свободы слова или объединений, созданием неконституционных репрессивных органов и т. д.

В послереволюционном режиме также действуют ограничения демократии либо полная ее имитация. В современном мире наиболее распространенной формой ограничения всеобщей демократии (без которой лишь правительства немногих обществ чувствуют себя легитимно) являются нередко в совокупности фальсификация выборов в разной форме, ограничения политических противников (Белоруссия, один из последних примеров – Украина, где оппозиционный политический лидер посажен в тюрьму), конституционно-правовые ухищрения (Россия демонстрирует замечательные примеры этого). Могут быть и особые случаи: наличие неконституционной или конституционной, но недемократической силы, которая имеет огромный авторитет (Иран). Существуют и иные формы. Наиболее распространенным остается военный переворот либо попытки осуществить очередной революционный переворот (Грузия, Киргизия дают здесь много примеров). Вмешательство военных происходит либо когда демократическое правительство разлагается и деградирует, либо когда в стране наступает политический тупик.

Так или иначе происходит коррекция пути, по которому развивается демократия. С другой стороны, и военные обычно не могут бесконечно и даже слишком долго оставаться у власти, не легитимируя режим, то есть вынуждены вновь отдавать власть гражданским лицам и проводить выборы.

Таким образом, общий политический курс развития модернизирующихся обществ в целом идет вдоль демократического тренда (все более приближаясь к идеалу), однако колебания вдоль него бывают очень сильными и болезненными. И развитие может оставаться незавершенным, продолжая вращаться в круге контролируемой демократии.

В отношении Египта очевидно, что новые президентские выборы могут произойти там достаточно скоро (если события не обострятся), но в уже усеченном (даже по сравнению с прошлыми событиями) виде. Путь к настоящей демократизации еще очень долгий (необходимо устранить неграмотность и другие проблемы), зато вероятность новой диктатуры в форме контролируемой демократии и военной силы, стоящей за властью, весьма велика.

Еще один важный момент, который объясняет, почему порой демократия не устанавливается в послереволюционном обществе или быстро в нем деградирует. «Демократия – наихудшая форма правления, за исключением всех остальных», – сказал Уинстон Черчилль. Для обществ, только вступающих на этот путь, особенно важна первая часть фразы. У демократии (как у свободного рынка, частной собственности) много пороков. Но зрелые демократические общества, помимо всего прочего, нашли те или иные способы их минимизации. Зато в молодых демократиях эти пороки приобретают гротескные формы. И приобретение иммунитета от таких «детских болезней» демократии – дело долгое и болезненное. В итоге общество может получиться уродливым (так же как при отсутствии иммунитета к частной собственности и свободному рынку, весьма эгоистичным институтам, если их не ограничивать).

В завершение отметим – переход к демократии от авторитарного режима, условно говоря, может осуществляться тремя главными путями: революционным (снизу и быстро), путем военного или государственного переворота и реформационным (сверху и постепенно). В прежние эпохи реформационный путь был почти невоз-

возможен, поэтому путь к демократии прокладывался через революции и контрреволюции. Хотя уже в XIX в. можно говорить о некоторых относительно успешных примерах реформаторского пути становления демократии (или хотя бы движения в сторону демократии). Так, в Японии был введен парламент (1889 г.). О. Бисмарк в Германии ввел всеобщее избирательное право для мужчин (1867 г.), хотя сама избирательная система в Пруссии была заложена революцией 1848 г. В Латинской Америке были случаи перехода от военной диктатуры к демократии, но последняя не могла прочно утвердиться почти ни в одной стране этого региона. Зато в XX в., особенно в последние его десятилетия, мы видим много примеров сознательного демонтажа авторитарной и тоталитарной власти самой военной или иной диктатурой (в Испании, Чили и других странах Латинской Америки, Южной Кореи, Тайване, Индонезии, в СССР, наконец). Некоторые заметные шаги к демократизации сделаны и арабскими монархическими государствами – парадоксальным на первый взгляд образом накануне «арабской весны» большинство арабских монархий оказалось заметно более демократичным, чем большинство арабских республик (см., например: Труевцев 2011).

И такой (нереволюционный) путь перехода к демократии при прочих равных условиях может оказаться более прямым и надежным.

***Post scriptum.* Блестящее поражение «Братьев-мусульман»**

В современном Египте сложилась парадоксальная ситуация – здесь стало политически невыгодно одерживать победы, но зато выгодно «проигрывать сражения». Именно победа «Братьев-мусульман» в ноябре-декабре прошлого года (когда им удалось протащить не вполне конституционную «Конституционную декларацию», а также ими же написанную конституцию и вроде бы добиться полноты власти в стране) привела к консолидации «либерального» лагеря, стремительному росту его популярности и столь же стремительному падению популярности «Братьев-мусульман».

Вплоть до конца июня – начала июля «Братья-мусульмане» быстро теряли свою популярность (см., например: Zogby *et al.* 2013), пока им «на помощь» не пришли секуляристы вместе с военными. После переворота 3 июля «Братья-мусульмане» (ихваны) и их про-

тивники поменялись местами. Теперь уже «набирать очки» начали ихваны¹⁰.

В июле 2013 г. Египет вошел в зону бифуркации, когда небольшая вариация параметров, включая действия или даже высказывания отдельных людей, может привести к движению системы по радикально различным траекториям. После июльского переворота стали популярными заявления о том, что он ознаменовал собой закат политического ислама (см., например: События... 2013). На самом деле не исключено, что все обстоит с точностью до наоборот. На Ближнем Востоке этот переворот скорее дал второе дыхание политическому исламу, и не только умеренному, но и радикальному. От событий ближайших дней в очень значительной степени зависит, какой именно из двух этих версий политического ислама последние события дадут больший импульс. Хотелось бы все-таки, чтобы умеренному.

Кажется также, что явной ошибкой новых властей было назначение даты новых выборов на начало 2014 г. Вот если бы выборы были проведены сразу после переворота, то их шансы провести своих ставленников были бы совсем не плохими. К началу же следующего года популярность и новых властей (из-за объективно сложного экономического положения страны, выход из которого невозможен без принятия непопулярных решений) рискует обвалиться до такого низкого уровня, что к власти снова вполне демократическим путем могут прийти «Братья-мусульмане» (хотя хорошие шансы могут быть и у тех, кто вовремя от новых властей отмежевался – типа Мухаммада эль-Барадеи или Ахмада Махера из молодежного Движения 6 апреля).

Да, новые власти закрыли исламистские СМИ, и с экранов египетских ТВ-каналов идет теперь сплошной поток антиихванской пропаганды. Но и к этому египтяне привыкли. Ведь так было и при Мубараке. И неслучайно египетские кварталы покрыты густой щетиной спутниковых антенн. Ведь египетскому ТВ египтяне уже давно привыкли не верить. А «Аль-Джазиру» еще никто не отменил...

¹⁰ Парадоксально, но послепереворотная политическая риторика «Братьев-мусульман» звучала несравненно более современно, чем архаическая политическая риторика их оппонентов. Секуляристы (да и поддержавшие их военные) совершенно архаичным образом отождествляли народ с толпой на Тахире, «Братья» же апеллировали к формальным легитимным демократическим процедурам.

Мы вовсе не исключаем сценарий развития событий в Египте в ближайшем будущем, при котором «Братья-мусульмане» рано или поздно вновь окажутся у власти. Но чем раньше они ее снова получат, тем раньше снова и потеряют.

Парадоксальным образом в текущей ситуации наибольший вред «Братьям-мусульманам» нанесла бы их немедленная полная победа с мгновенным возвращением Мурси всей полноты президентской власти, так как в этом случае движение рисковало бы достаточно быстро полностью утратить всю свою популярность и уже реально сойти с политической арены (по крайней мере, на достаточно продолжительное время).

Литература

- Арон, Р.** 1993. *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст.
- Бердяев, Н. А.** 1990. *Философия неравенства*. М.: ИМА-ПРЕСС.
- Гринин, Л. Е.** 2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* (с. 188–223). М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.** 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ.
- Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В.** 2011. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–29.
- Коротаев, А. В., Ходунов, А. С., Бурова, А. Н., Малков, С. Ю., Халтурина, Д. А., Зинькина, Ю. В.** 2012. Социально-демографический анализ Арабской весны. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.), *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* (с. 28–76). М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Ленин, В. И.** 1958. О двоевластии. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* Т. 31 (с. 145–148). М.: Политиздат.
- Нефедов, С. А.** 2008. *Факторный анализ исторического процесса*. М.: Территория будущего.
- События** в Египте – начало заката исламистов как политической силы. 2013. *Vlasti.net* July 05. URL: <http://vlasti.net/news/169609>

Сорокин, П. А.

1992а. О так называемых факторах социальной эволюции. В: Сорокин, П. А., *Человек. Цивилизация. Общество* (с. 521–531). М.: Политиздат.

1992б. Социология революции. В: Сорокин, П. А., *Человек. Цивилизация. Общество* (с. 266–294). М.: Политиздат.

1994. Голод и идеология общества. В: Сорокин, П. А., *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет* (с. 367–395). М.: Наука.

Труевцев, К. М. 2011. *Год 2011 – новая демократическая волна?* М.: Изд. дом ВШЭ.

Шумпетер, Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.

Davies, J. C. 1969. Toward a Theory of Revolution. In McLaughlin, B. (ed.), *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* (pp. 85–108). New York: Free Press.

Fick, M. 2013. Egypt's Brotherhood Absorbs Blows, Faces Return to Shadows. *NBC News* July 18. URL: http://www.nbcnews.com/id/52509044/ns/world_news-africa/t/egypts-brotherhood-absorbs-blows-faces-return-shadows/#.Ug3B1pKpVgg.

Grinin, L. 2012. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.

Grinin, L., Korotayev, A. 2012. Does “Arab Spring” Mean the Beginning Of World System Reconfiguration? *World Futures: The Journal of Global Education* 68(7): 471–505.

Korotayev, A., Zinkina, J., Kobzeva, S., Bogevolnov, J., Khaltourina, D., Malkov, A., Malkov, S. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 2(2): 276–303.

Zogby, James, Zogby, E., Zogby, S. H., Zogby, Jon, Bohnert, C., Mazloom, J. 2013. *After Tahrir: Egyptians Assess Their Government, Their Institutions, and Their Future*. Washington, DC: Zogby Research Services.